

Аппельрот В. Г. Древнегреческая религиозная скульптура // Богословский вестник 1896. Т. 2. No 4. С. 1-23 (2-я пагин.).

[Scan "Богословский Вестник"](#)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Древне-греческая религиозная скульптура.

Въ древнѣйшую пору искусства, когда человекъ не обладалъ ни знаніемъ природы, ни знакомствомъ съ техникой дѣла, въ силу роковой необходимости не оказывалось различія между изображеніями смертныхъ и боговъ: когда послѣ грубыхъ ἀγροὶ λίθοι (необдѣланные камни), вслѣдъ за деревянными ξόανα (истуканы), послѣ такихъ идоловъ какъ знаменитый Аполлонъ въ Амиклахъ, послѣ эпохи, гдѣ еще не думали изображать смертнаго, примѣняя свое скромное знаніе и всю силу своей фантазіи къ изображеніямъ покланяемыхъ божествъ, выработалась, наконецъ, форма для образа человѣческаго, мужского и женскаго, тогда эти стереотипные образы стали безразлично употребляться по отношенію ко всѣмъ божествамъ и къ наиболѣе прославленнымъ смертнымъ. Типъ полугреческій, полугипетскій, съ которымъ знакомятъ насъ напр. статуи Лувра и Падіональнаго Музея Аѳинъ (Артемиды Делосская), одинаково пригоденъ былъ для каждой богини, такъ какъ въ самомъ себѣ не заключалъ ничего характернаго. Извѣстный типъ улыбающихся "Аполлоновъ", въ родѣ Орхомейскаго, Θερскаго, Тенейскаго, Птойскаго и др. -- кого обозначаетъ онъ? Почему эти таинственно улыбающіеся загадочныя лица должны принадлежать только Аполлону? почему не быть имъ, этимъ подъ часъ очень уродливымъ фигурамъ, съ равнымъ успѣхомъ и простыми смертными, и другими какими-либо богами, смотря по надобности? И недавняя догадка г. Омолля, что въ образѣ двухъ подобныхъ Аполлоновъ найдены въ Дельфахъ прославившіеся своей сыновней любовью и почтительностью братья Клеобисъ и Битонъ {*Th. Homolle, Découvertes de Delphes*, гл. IV въ началѣ, въ *Gazette des Beaux-arts*, 1895.}, весьма остроумна и близка къ истинѣ. Всѣ эти изображенія равно пригодны были для неприхотливой публики, чтобы замѣнять собою и человека, и бога. При томъ же, богъ не могъ негодовать на художника: эти изображенія одинаково далеки были и отъ идеала божественнаго, и отъ земной красоты человѣческой. Нельзя, поэтому, сказать, что человекъ и божество въ древнюю, еще наивную эпоху религіозной и художественной жизни Эллина были отождествлены вполне: во 1) изъ людей удостоивались этой чести -- быть вырѣзанными изъ дерева или высѣченными изъ камня или мрамора -- лишь немногіе избранные, лишь тѣ, которыхъ, какъ вышеупомянутыхъ аргосцевъ, отмѣтило само божество, а во 2) люди эти въ деревѣ и мраморѣ теряли значительную часть своей человѣческой природы и уже какъ-бы не были "настоящими" людьми.

Но, повидимому, уже въ давнюю пору это смѣшеніе человека съ божествомъ стало наводить вѣрующихъ художниковъ и мастеровъ на размышленія, заставившія ихъ въ концѣ концовъ изобрѣсти способъ для различія какъ смертнаго отъ небожителя, такъ и одного божества отъ другого. Простѣйшимъ средствомъ для этого было снабженіе божественныхъ изображеній особыми атрибутами: отличая ихъ отъ жалкихъ людей, атрибуты различали въ то же время боговъ и между собою, указывали на ту или иную функцію изображеннаго въ стереотипномъ видѣ божества. Такъ грубый идолъ, найденный на о. Делосѣ, судя по отверзтіямъ среди пальцевъ, плотно сжатыхъ въ кулакъ и словно пришитыхъ къ закутанному въ тяжелую ткань тѣлу, былъ отмѣченъ особыми атрибутами, вѣроятно лукомъ и стрѣлами, какъ богиня охоты и звѣрей, рожденная на Делосѣ Артемиды. Это пристрастіе къ атрибутамъ, сохраненное греческой пластикой до самаго конца ея, перешло затѣмъ и въ христіанское искусство, особенно въ церкви римско-католической, гдѣ каждый святой и каждая святая имѣетъ свой атрибутъ, отличающій ихъ отъ другихъ, напр. ключи отличаютъ ап. Петра, мечъ -- ап. Павла, левъ -- бл. Иеронима, колесо -- велкм. Екатерину, рѣшетка -- св. Лаврентія, музыкальный инструментъ -- св. Цецилію и т. д.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, греческая пластика вступаетъ съ разу, такъ сказать, въ два русла, въ строгомъ смыслѣ слова никогда уже, вплоть до паденія Греціи, не сливавшіяся во едино, хотя нѣкоторая "видимость" этого сліянія отличаетъ собою исторію искусства съ IV в. до Р. Хр. Но, какъ мы надѣемся уяснить это, при этомъ "видимомъ" сліяніи двухъ направлений -- дѣйствительнаго смѣшенія по существу не было. Итакъ съ самаго начала существованія болѣе усовершенствованной техники, но мѣрѣ накопленія опыта и одновременно знаній, по мѣрѣ выясненія различія между человекомъ и божествомъ, оказываются въ Элладѣ два рода скульптуры или пластики: *религіозный* и *свѣтскій*, хотя иногда и соприкасающійся со сферою религіи, такъ какъ послѣдняя слишкомъ проникала жизнь человека. Уже въ